

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/86/18

СМЫСЛ, СЛЕДОВАНИЕ ПРАВИЛУ И РЕАЛИЗМ

Всеволод Адольфович Ладов

*Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Томск, Россия
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
ladov@yandex.ru*

Аннотация. Обсуждаются результаты критического анализа А.В. Нехаева таких направлений современной философии языка, как семантический диспозиционализм и семантический платонизм в контексте решения скептической проблемы следования правилу. Фиксируются как недостатки анализа Нехаева, так и недостатки самого семантического платонизма на примере концепции Д. Катца в контексте дискуссии реализма и антиреализма.

Ключевые слова: Нехаев, Катц, Крипке, смысл, референция, следование правилу, скептицизм, платонизм, реализм

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>.

Для цитирования: Ладов В.А. Смысл, следование правилу и реализм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 199–207. doi: 10.17223/1998863X/86/18

Original article

SENSE, RULE-FOLLOWING, AND REALISM

Vsevolod A. Ladov

*Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
ladov@yandex.ru*

Abstract. The results of Andrei Nekhaev's critical analysis of such areas of modern philosophy of language as semantic dispositionalism and semantic Platonism in the context of solving the skeptical problem of rule-following are discussed in this article. The shortcomings of Nekhaev's analysis and the shortcomings of Katz's semantic Platonism itself in the context of the discussion of realism and antirealism are established. In particular, Nekhaev's interpretation of sense as a syntactic combination is more similar to the early Wittgenstein, who in his *Tractatus Logico-Philosophicus* also introduces "Sinn" (sense), than to Katz. A sentence expresses its sense regardless of whether it is true or false. It would seem that this is similar to Frege. But still, according to Wittgenstein, sense is only a structural correlation of syntactic parts of a sentence. This structural correlation of syntactic parts of a sentence can hardly be identified with Frege's sense of a name or a thought expressed in a sentence. Even if Frege's thought also consists of integral parts, these parts are senses of signs-parts, and not signs themselves. It seems that Katz's sense is more like Frege's sense than like the sense of the early Wittgenstein, despite Katz's criticism of Frege. Katz's criticism of Frege is not aimed at the concept of sense itself, but at the relation of sense and reference. Katz does not agree with Frege that there is a relation of strict

determination between sense and reference. Instead, Katz introduces a more fluid relation of mediation between sense and reference, but the main characteristics of sense itself in Katz remain Fregean. Sense is an ideal entity, an abstract object, completely distinct from the sign domain in which it is expressed. Signs, their combination, syntax express sense, but are not sense. The article presents the criticism of Katz's concept as follows. Katz always called his position "realism". But Katz's understanding of realism turns out to be unjustifiably narrow. He thinks of realism exclusively in the medieval context of the debate on universals, opposing his position to nominalism. Realism, for Katz, asserts the existence of abstract objects (meanings). But in the context of debates between realism and antirealism in the 20th–21st centuries, realism is still understood as a position asserting the existence of objective reality and the possibility of knowing it. Realism concerns reality. Reality is the area of referents of words and sentences. If the theory of meaning is made completely autonomous from the theory of reference, as the late Katz wanted, then any questions related to the knowledge of objective reality simply turn out to be beyond consideration. To know objective reality means to know referents, not meanings. Meaning provides a fixed way of knowing reality, but it is not yet reality itself.

Keywords: Nekhaev, Katz, Kripke, sense, reference, rule-following, skepticism, Platonism, realism

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

For citation: Ladov, V.A. (2025) Sense, rule-following, and realism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 199–207. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/18

В своей статье «Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм» [1] А.В. Нехаев рассматривает позиции семантического диспозиционализма и семантического платонизма в контексте их потенциала противостоять скептическому вызову Витгенштейна–Крипке в виде проблемы следования правилу. Нехаев отмечает, что «Семантический платонизм многими исследователями считается весьма непопулярной, а иногда и откровенно нереспектабельной теорией» [1. С. 183], но сам по результатам своего анализа отдал предпочтение именно семантическому платонизму, считая, что именно эта теория способна противостоять крипкевскому скептику, тогда как семантический диспозиционализм не в состоянии справиться с самыми современными скептическими аргументами в философии языка.

Сразу хочу отметить положительные моменты проведенного Нехаевым исследования.

Во-первых, А. Нехаев представил и проанализировал самую современную литературу по проблеме следования правилу. Это касается и семантического диспозиционализма, который стал более продвинутым и утонченным в своей аргументации по сравнению с тем временем, когда с данной теорией спорил С. Крипке на страницах книги «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» [2], и скептической позиции, которая только в последние годыполнила свой арсенал мощным аргументом, получившим название «аргумент привилегии» [3].

Во-вторых, я могу только приветствовать исследовательскую смелость Нехаева, который в итоге поддержал именно позицию семантического платонизма в вопросе противостояния скептической аргументации, несмотря на то, что семантический платонизм действительно никогда не был мейнстримом

аналитической философии при обсуждении проблем, касающихся фиксации значений языковых выражений.

Помимо тех ссылок, которые в своей статье дал сам Нехаев, характеризуя непопулярность семантического платонизма, я бы еще упомянул мнение М. Куша: «Платонизм не был модной позицией в последние двадцать лет, поэтому защитников платонизма против атаки скептика было мало. Из этих текстов книга Джэррольда Катца 1990 года *The Metaphysics of Meaning*, без сомнения, самая важная. Обсуждение Катцом скептического сомнения есть часть обширной атаки в данной книге на натурализм в аналитической философии двадцатого столетия и крупномасштабная попытка реабилитировать платонизм в лингвистической теории» [4. Р. 137].

Я упомянул М. Куша неслучайно. Во-первых, он тоже подчеркивает то, что семантический платонизм не является значимой позицией в последние десятилетия, и, во-вторых, он связывает семантический платонизм, прежде всего, с именем американского философа и лингвиста Д. Катца. Это же в своем исследовании делает и А. Нехаев. Анализируя аргументационный потенциал семантического платонизма, Нехаев также обращается к Катцу, но освещает при этом уже более широкий спектр его работ, нежели это в свое время сделал Куш. Нехаев рассматривает не только классического Катца периода написания монографии «Метафизика значения» [5], но и анализирует позднего Катца вплоть до его самой последней книги «Смысл, референция и философия» [6], которая была опубликована уже после смерти ее автора.

Далее я выскажу критические соображения сначала в адрес Нехаева, не соглашаясь с некоторыми из его интерпретаций Катца, а затем уже и в адрес самого Катца, показывая, каким, на мой взгляд, должен быть семантический платонизм, чтобы сохранить позицию реализма в онтологии и эпистемологии. Катц хотел свою философскую концепцию позиционировать как реализм [7], но, по моему мнению, ему это в итоге так и не удалось сделать.

Семантика и синтаксис

В обсуждаемой статье А.В. Нехаев пишет: «Схватываемые агентом *A* абстрактные смыслы определенного типа выражений '*e*', образующие автономные структуры некоторого языка *L*, являются не бесконечными объектами, а вполне конечными синтаксическими комбинациями данного типа выражений '*e*' в языке *L*» [1. С. 188]. Здесь верно указан оригинальный тезис Катца о том, что смыслы являются не бесконечными, необозримыми идеями, которые душа могла созерцать во всей их полноте лишь до рождения в физическом мире и после смерти в нем, как это было у Платона, а вполне определенными, конечными объектами, доступными для познания. Эту конечность смыслов, насколько я понял Нехаева, задает тот факт, что они являются синтаксическими комбинациями. Смыслы, если так можно выразиться, лежат на поверхности языка, в знаковой области, поэтому они полностью ясны и доступны. И вот с этим последним тезисом Нехаева я уже не могу согласиться.

Интерпретация смысла как синтаксической комбинации у Нехаева похожа, скорее, не на Катца, а на раннего Л. Витгенштейна, который в «Логико-философском трактате» [8] тоже вводит такой термин, как «Sinn» (смысл), несмотря на то, что Б. Рассел, за которым следует Витгенштейн в «Трактате»,

уже отверг трехчленную семантику Г. Фреге [9], устранив смысл и прямую соединив язык и область референтов [10]. Референциалистская позиция расселовского логического атомизма прослеживается в «Трактате» весьма отчетливо. Простые объекты (Gegenstanden) реального мира образуют между собой элементарную связь – атомарный факт (Sachverhalt). Этот атомарный факт адекватно изображается элементарной лингвистической картиной-предложением посредством его структуры, коррелятивной структуре факта. Именно расселовские тенденции в отношении непосредственного соединения языка и реального мира играют здесь решающую роль, хотя Витгенштейн и вводит в свою семантическую конструкцию медиальный элемент, употребляя фрегевский термин «смысл»: «2.22. Посредством своей изобразительной формы картина изображает то, что она изображает, независимо от ее истинности или ложности. 2.221. То, что картина изображает, – ее смысл. 2.222. Ее истинность или ложность состоит в соответствии или несоответствии ее смысла действительности» [8. С. 10]. Предложение выражает свой смысл вне зависимости от того, истинно оно или ложно. Казалось бы, это похоже на Фреге. Но все же смысл, по Витгенштейну, – это лишь структурная соотнесенность синтаксических частей предложения, т.е. соотнесенность знаков: «3.1431. Суть знака-предложения становится яснее, если вообразить в качестве его составляющих не письменные знаки, а пространственные предметы (скажем, столы, стулья, книги). При этом смысл предложения будет выражен взаиморасположением этих предметов» [8. С. 12]. Такую структурную соотнесенность синтаксических частей предложения вряд ли можно отождествить с фрегевским смыслом имени или мыслью, выраженной в предложении. Пусть даже у Фреге мысль тоже состоит из интегральных частей, но эти части суть смыслы знаков-частей, т.е. идеальные структуры, а не сами знаки как таковые.

Мне думается, что смысл у Д. Катца все же больше похож на смысл у Г. Фреге, нежели на смысл у раннего Витгенштейна, несмотря на то, что Катц критикует Фреге. Критика Фреге у Катца нацелена не на само понятие смысла, а на отношение смысла и референта. Катц не соглашается с Фреге в том, что между смыслом и референтом имеет место отношение строгой детерминации. Вместо этого Катц вводит между смыслом и референтом более подвижное отношение медиации [5. Р. 110]. Но определяющие характеристики самого смысла у Катца остаются фрегеанскими. Смысл – это идеальная сущность, абстрактный объект, полностью отличный от знаковой области, где он выражен. Знаки, их сочетание, синтаксис выражают смысл, но не являются смыслом, даже если мы принимаем во внимание различие Ч. Пирса между типами и токенами [11] и говорим о знаках как типах, усматривая в этом метафизику знаков, что делал Нехаев в одной из своих недавних публикаций [12]. Катц тоже опирается на различие между типами и токенами [5], но его интересуют не знаки, пусть даже знаки-типы, а их смыслы. Например, по Катцу, смысл математического термина «куб» раскрывается в определении: куб – это правильная геометрическая фигура с шестью равными сторонами [5. Р. 148–149]. Разве смысл здесь заключается в синтаксической комбинации знаков, пусть и типовых? Я вполне могу использовать и иные синтаксические конструкции на русском языке для выражения данного смысла. Например, «геометрическая фигура правильной формы с шестью равными сторонами» или

«правильная геометрическая фигура, имеющая шесть равных сторон» и т.д. Эти конструкции будут находиться в отношении синонимии. Отношение синонимии – это семантическое отношение [5]. Синтаксис разный, а семантика одна и та же. В этом суть синонимии. Или наоборот: отношение омонимии (двусмысленности, ambiguity) – это тоже семантическое отношение. В последней книге Катца «Смысл, референция и философия» [6], которую в своей статье упоминает и Нехаев, есть пример с предложением на английском языке: «Sherlock Holmes dusted the table» [6. Р. 136]. По Катцу, это предложение является двусмысленным на типовом уровне. Данное взаиморасположение знаков выражает сразу два смысла: ‘Шерлок Холмс распылил на столе определенный химический реактив, чтобы обнаружить отпечатки пальцев’, и ‘Шерлок Холмс удалил пыль со стола, убираясь в своей комнате’. Здесь синтаксис один и тот же, а семантика, наоборот, разная. Эти примеры показывают, что семантика не может быть редуцирована к синтаксису. И понятие смысла, по Катцу, характеризует семантику, а не синтаксис, как это представлено у Нехаева.

Что касается идеи конечности смысла, то, по Катцу, смысл конечен не потому, что он представляет собой четко очерченную синтаксическую структуру, а потому, что все вопросы о бесконечности, о соотношении конечного и бесконечного – это вопросы не теории значения, а теории референции [5–7]. Бесконечны референты слов, а их значения (смыслы) – это вполне определенные, конечные в своих границах, ясно фиксируемые абстрактные объекты.

Семантический платонизм и проблема следования правилу

В своей статье А. Нехаев пишет: «Для сторонников СП проблема следования правилу заключается не в существовании бесконечных по своему объему экстенционалах языковых выражений (скажем, в примерах наших вычислений с ‘+’), а в объяснении того, как именно происходит ‘схватывание’ абстрактных смыслов» [1. С. 188]. Катц, по Нехаеву, находит такое объяснение в идее конечности смыслов. Как уже сказано, идею Катца о конечности смысла и ее роль в объяснении схватывания смысла Нехаев упоминает верно, но решение проблемы следования правилу у Катца состоит все же не в этом, по крайней мере, не только в этом.

Отношение Катца к проблеме следования правилу имеет двоякий характер. В период написания работы «Метафизика значения» [5] Катц, как я уже сказал, вводит между смыслом и референтом отношение медиации взамен фрегеанского отношения детерминации. Д. Катц пытается пройти между Фреге и поздним Витгенштейном. Он утверждает, что в случае буквального употребления слова, которое ориентируется на типовой уровень языка, имеет место фиксированная связь между смыслом и референтом. Здесь референтом слова может быть только то, что соответствует его смыслу: «Агент речи, который использует слово „куб“ буквально, *должен* подразумевать ‘правильное тело с шестью равными сторонами’...» [5. Р. 157]. И только на уровне токемов референты слова могут почти до неузнаваемости расходиться с его смыслом, что, например, возникает тогда, когда говорящий начинает при помощи слова «куб» указывать на треугольную призму, как в примере Витгенштейна из «Философских исследований» [13. С. 91]. Таким образом, Катц признает, что проблема следования правилу действительно может сохраняться на

уровне токенов, и поздний Витгенштейн был прав в своей трактовке языка как бесконечно подвижной системы, лишенной какого-либо стабильного основания. Однако на уровне типов эта проблема имеет прямое решение за счет фиксации строгой связи между смыслом и типовым референтом. Если на уровне токенов женщина К. Доннеллана [14], которую обсуждает Катц [15], может указывать на человека, пьющего лимонад, произнося при этом: «Вот этот мужчина с бокалом шампанского», то отсюда все же нельзя заключить, как это стремится сделать поздний Витгенштейн, что у слов нет никаких стабильных значений. На типовом уровне, где проявляет себя семантико-грамматический строй языка, референтом выражения «Вот этот мужчина с бокалом шампанского» может быть человек, пьющий именно алкогольный напиток, что будет полностью соответствовать смыслу данного языкового выражения. В соответствии с поздним Витгенштейном, выражение «Вот этот мужчина с бокалом шампанского» не значит ничего, помимо того референта, к которому оно отсылает в частном употреблении. Если референтом слова может выступить, по сути, любой объект в зависимости от специфики той или иной языковой игры, то какой смысл говорить о существовании значения, определяющего референты? Значение есть употребление слова в конкретной языковой игре, отнесение слова к референту в определенной лингвистической ситуации и ничего более. Но, по Катцу, это не так. Мы вполне определенно фиксируем смысл (значение) языкового выражения и его связь с референтом на типовом семантико-грамматическом уровне языка. Катц периода работы «Метафизика значения» дает прямое решение проблемы следования правилу, и не только через объяснение схватывания смысла, как пишет Нехаев, но и посредством утверждения устойчивой связи смысла и типового референта.

Однако по мере развития своих взглядов Катц все в большей степени отдаляется от теории референции. Это видно, например, в его дискуссии с П. Богоссяном [16], где Катц говорит следующее: «На мой взгляд, причина, по которой „куб“ применим к кубам, – когда и где это применимо к ним – является внешней по отношению к теории значения и внутренней по отношению к теории референции» [15. Р. 164]. Еще более радикальные взгляды в пользу полной автономности теории значения можно найти в одной из поздних работ Катца «Реалистский рационализм» [7]. Наконец, в своей самой последней работе «Смысл, референция и философия» [6] при помощи полного разрыва теории значения и теории референции Катц пытается решить даже проблему логических парадоксов, настаивая на том, что все вопросы об истинности предложений (например, вопрос об истинности предложения парадокса Лжеца) относятся к теории референции, поэтому проблема парадоксов оказывается просто нерелевантной теории значения. Соответственно, проблема следования правилу, как и проблема парадоксов, перестает быть для Катца проблемой. Проблема следования правилу – это не проблема теории значения и объяснения того, как происходит схватывание абстрактного смысла, как пишет Нехаев, а все же проблема связи смысла и референта, т.е. проблема теории референции. И поскольку Катц по мере эволюции своих взглядов движется от обсуждения смежных вопросов теории значения и теории референции к полной автономии теории значения, постольку проблема следования правилу просто перестает его волновать, он больше не спорит ни

с поздним Витгенштейном, ни с Крипке, он погружается в платоновскую безмятежность идеальных смыслов.

Теория значения, теория референции и реализм

Нужно отдать должное А. Нехаеву в том, что он и сам замечает и фиксирует, хотя и вскользь, движение Катца в сторону полной автономии теории значения. Например, характеризуя абстрактный характер семантического платонизма, Нехаев в обсуждаемой статье пишет: «Зачастую это влечет за собой полный отказ от любых попыток редукции смысловых структур языковых выражений к их референции» [1. С. 187]. Это верно. И в завершение своей реплики я хочу обратиться уже не к Нехаеву, а к самому Катцу и высказать некоторые критические соображения относительно идеи автономности теории значения.

Д. Катц всегда называл свою позицию реализмом. Это характерно и для среднего Катца периода написания работы «Метафизика значения» [5], и для позднего Катца, когда одну из своих монографий он прямо именует «Реалистский рационализм» [7]. Но понимание реализма у Катца оказывается неоправданно узким. Он мыслит реализм исключительно в средневековом контексте спора об универсалиях, противопоставляя свою позицию номинализму [5]. Реализм для Катца – это концепция, в рамках которой утверждается существование абстрактных объектов (смыслов). Но в контексте споров реализма и антиреализма в XX–XXI вв. под реализмом все же понимается позиция, утверждающая существование объективной реальности и возможность ее познания [17]. Реализм – это то, что касается реальности, а реальность – это область референтов слов и предложений.

Если Катц отказывается называть реализмом то, что касается реальности, полностью дистанцируясь от теории референции, то его самого можно поймать на противоречии, применяя к нему технику аргументации от самореферентности [18]. Когда Катц, в своих поздних работах полагает в качестве истинного предложение «Значение предложения существует автономно от его референции», он ведь претендует на то, чтобы зафиксировать некоторый существующий факт в качестве референта данного предложения. Книги самого Катца написаны в контексте теории референции, в контексте связи теории значения и теории референции, а не в рамках полностью автономной теории значения.

На мой взгляд, полный разрыв с теорией референции неприемлем. Реализм – это онтоэпистемологическая позиция, утверждающая существование объективной реальности и возможность ее познания, что в тезаурусе аналитической философии означает возможность обоснования четкой фиксации истинности и ложности предложений языка. Фиксация истинностного значения предложения позволяет избежать радикального релятивизма (антиреализма), настаивающего на относительном характере истинности предложений, зависимом от той или иной языковой игры, лингвистической группы, социокультурной ситуации и т.д. Устойчивая фиксация истинности предложения возможна только тогда, когда мы точно знаем, на какой именно факт реальности это предложение указывает в качестве своего референта. Полностью определенное знание о факте реальности в качестве референта нам помогает получить смысл (значение) предложения как абстрактная, идеальная

сущность. Если же теорию значения сделать полностью автономной от теории референции, как того хотел поздний Катц, то любые вопросы, связанные с познанием объективной реальности, просто оказываются за пределами рассмотрения. Знать объективную реальность – значит, знать референты, а не смыслы. Смысл обеспечивает стабильный, фиксированный способ данности реальности, но он еще не сама реальность.

Список источников

1. Нехаев А.В. Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 86. С. 181–192.
2. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева; ред. В.А. Суровцев. М.: Канон+, 2010.
3. Guardo A. Yet Another Victim of Kripkenstein's Monster: Dispositions, Meaning, and Privilege // Ergo. 2021. Vol. 8, № 55. P. 857–882.
4. Kusch M. A Sceptical Guide to Meaning and Rules: Defending Kripke's Wittgenstein. Cambridge: Acumen, 2006.
5. Katz J. The Metaphysics of Meaning. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1990.
6. Katz J. Sense, Reference, and Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2004.
7. Katz J. Realistic Rationalism. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000.
8. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 5–73.
9. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1977. Вып. 8. С. 181–210.
10. Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование. Томск, 2005. С. 7–22.
11. Peirce C.S. Prolegomena to an apology for pragmatism // Monist. 1906. Vol. 16. P. 492–546.
12. Нехаев А.В. Метафизические споры о словах: что значит быть реалистом в отношении слов? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 64–75.
13. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018.
14. Donnellan K.S. Reference and Definite Descriptions // The Philosophical Review. 1966. Vol. 75, № 3. P. 281–304.
15. Katz J. Replies to Commentators // Philosophy and Phenomenological Research. 1994. Vol. 54, № 1. P. 157–183.
16. Boghossian P. Sense, Reference and Rule-Following // Philosophy and Phenomenological Research. 1994. Vol. 54, № 1. P. 139–144.
17. Ладов В.А. Онтологическая проблематика в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIII, № 1. С. 84–97.
18. Ладов В.А. Идея ограничения теории типов в философии математики в контексте критики эпистемологического релятивизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 43–52.

References

1. Nekhaev, A.V. (2025) Dobryy angel Kattsa protiv zlogo demona Kripke: argument privilegii, algoritmy i semanticheskii platonizm [Katz's Angel vs. Kripke's Monster: Priviledge Argument, Algorithms, and Semantic Platonism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 181–192.
2. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated from English. Moscow: Kanon+.
3. Guardo, A. (2021) Yet Another Victim of Kripkenstein's Monster: Dispositions, Meaning, and Privilege. *Ergo*. 8(55). pp. 857–882.
4. Kusch, M. (2006) *A Sceptical Guide to Meaning and Rules: Defending Kripke's Wittgenstein*. Cambridge: Acumen.
5. Katz, J. (1990) *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

6. Katz, J. (2004) *Sense, Reference, and Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
7. Katz, J. (2000) *Realistic Rationalism*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
8. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis. pp. 5–73.
9. Frege, G. (1977) *Semiotika i informatika* [Semiotics and Computer Science]. Translated from German by E.E. Razlogov. Moscow: [s.n.]. pp. 181–210.
10. Russell, B. (2005) *Yazyk, istina, sushchestvovanie* [Language, Truth, Existence]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk State University. pp. 7–22.
11. Peirce, C.S. (1906) Prolegomena to an apology for pragmatism. *Monist*. 16. pp. 492–546.
12. Nekhaev, A.V. (2023) Metaphysical Disputes About Words: What Does It Mean to Be a Realist About Words? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 64–75. (In Russian).
13. Wittgenstein, L. (2018) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Translated from German by L. Dobroselsky. Moscow: [s.n.].
14. Donnellan, K.S. (1966) Reference and Definite Descriptions. *The Philosophical Review*. 75(3). pp. 281–304.
15. Katz, J. (1994) Replies to Commentators. *Philosophy and Phenomenological Research*. 54(1). pp. 157–183.
16. Boghossian, P. (1994) Sense, Reference and Rule-Following. *Philosophy and Phenomenological Research*. 54(1). pp. 139–144.
17. Ladov, V.A. (2010) Ontologicheskaya problematika v analiticheskoy filosofii [The Problem of Ontology in Analytic Philosophy]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 23(1). pp. 84–97.
18. Ladov, V.A. (2019) The Idea of Limiting the Type Theory in the Philosophy of Mathematics in the Context of the Criticism of Epistemological Relativism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51. pp. 43–52.

Сведения об авторе:

Ладов В.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия); профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ladov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ladov V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), full professor, head of the Laboratory of Logical and Philosophical Research at the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); leading researcher at the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); professor at the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ladov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025;
одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 07.08.2025